

Как ограбить Церетели

Ян Смирницкий

В пятницу в Галерее искусств Зураба Церетели на Пречистенке, 19, на постоянной основе развернулась экспозиция всевозможного Зурабова творчества от проекта русского Диснейленда в Мневниках до пятнадцатиметрового Яблока раздора (с Адамом и Евой в разных позах), которое иные остряки уже окрестили «самоучителем для импотентов».

АЛЕКСАНДР ПОЛАГОВ

Автор

Президент Российской академии художеств Церетели не стесняется причислять себя к классикам современности, через слово декларируя мысль о всепобеждающем добре. Настаивает, что классику надо аплодировать при жизни, а кто не аплодирует... Что ж, врагов, особенно среди журналистов, у Церетели много. В их адрес он по-сталински размеренно произносит: «Я знаю, что я сделаю». И поправляет на груди звезду Героя Соцтруда.

Собрание классиков от Церетели вы обнаружите в первом же зале его галереи. Такое чувство, что со всей Москвы поотодрали мемориальные доски и складировали здесь. Желтые металлические глыбы с выступающими вперед скульптурами в рост. Башмет, Вознесенский, Спиваков, Кобзон, Жорес Алферов, Белла Ахмадулина, Евтушенко и, конечно, сам солнцеликий Зураб, босиком и в рубище. Вы

ражение лица – как у Брежнева на юбилейных фарфоровых тарелках.

– Чем отличается художник от простого человека? Художник из грязи может сделать произведение искусства, а простой человек разве сделает?

Скульптурные композиции Церетели обосновались в 14 странах мира, как-то: Россия – памятник Петру I на воде, мемориальный комплекс на Поклонной горе, застройка Манежной площади, еще Церетели выступал как главный художник по внутреннему убранству храма Христа Спасителя; США – монумент «Счастье детям всего мира» к Олимпийским играм детей-инвалидов, «Добро побеждает зло» перед зданием ООН в Нью-Йорке; «Рождение нового человека» в испанской Севилье...

Теперь мечта Зураба – русский Диснейленд. Один из павильонов будет называться «Религии мира». Всего по Зурабу их 13: православие, протестантизм, католичество, иудаизм, буддизм, ислам, зороастризм, конфуцианство, шаманство, верования доколумбовой Америки, русское язычество, индуизм и традиционные верования африканских племен.

– Мир стремится к объединению. А мы, иногда не понимая этого, все хотим жить в собственном домике...

Предложение

Хочет Церетели того или нет, но галерея его имени оставляет стойкое впечатление непомерной мании величия, не фюрерской, а более мелкой – байской, исчисляющейся в ишаках, халатах и центнерах хлопка-сырца.

А что, если ограбление? Вот было бы шуму: «...огромное железное яблоко Церетели с пятиэтажный дом наглым образом украдено посреди бела дня». Но как это сделать? В каждом зале трехэтажной галереи установлено по камере наблюдения, а то и по две, выведенны не только на диспетчерский пункт в самом здании, но и в милицию. В иных залах – экстренные телефоны связи. У входа – металлоискатель, как в аэропорту, и человек пять охраны с радиациями. Да и смотрители в залах далеки от немощи. Все просматривается, все прослушивается. На каждом доме по Пречистенке – по две камеры. Въезды-выезды упираются в мобильные милиционские посты.

Но выход всегда найдется. Яблоко настолько велико, что стоит в крытом внутреннем дворике под самым обыкновенным стеклянным куполом. Надо лишь зависнуть над двориком на вертолете, разбить купол и электромагнитом подцепить яблоко. К полу галереи оно никак не крепится. Вес относительно небольшой: внутри яблоко полое, внешне же – металлический каркас, где-то сваренный, а где-то клепанный, забранный тонкими листами железа в купоросе. Подцепили и полетели. С ПВО у Церетели договоренности нет.

Думаю, на миллион долларов это сокровище потянет. Как бы его теперь продать?

Спрос

Мы обзвонили десять антиварных салонов Москвы, и везде нам категорически заявили: «Мы в нем не нуждаемся». Тогда стали спрашивать в ведущих столичных музеях, и вот что нам ответили, например, в Музее личных коллекций при ГМИИ имени А. С. Пушкина: «Интересен ли народу Церетели – это вы спросите у социологов. Мы, искусствоведы, им не интересуемся. Совсем. Хотя в Академии художеств вам, разумеется, ответят по-другому».

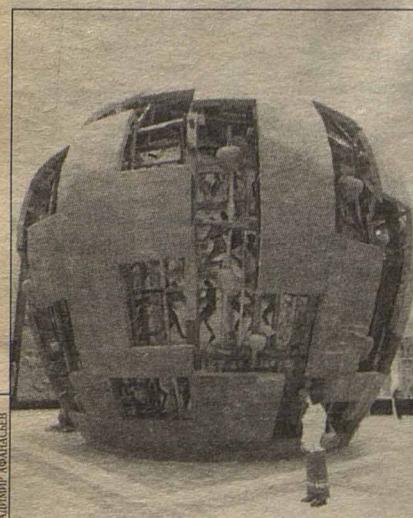
– Зураб Константинович, есть ли спрос на вас в частных коллекциях мира?

– Безусловно. У многих людей, которых я люблю и которые любят мое искусство, дома висят мои работы. Я их дарю.

– Пока на продаже лежит вето?

– Нет, почему? Я скоро начну продавать. У меня набралось очень много работ, но прежде я должен все осмыслить, проанализировать, а не так что сразу... У меня нет коммерческого мышления.

Боюсь, придется вернуть яблоко на место.

Предполагаемый объект похищения